

А.В.Дука

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Политическая конкретика часто заслоняет более важные фундаментальные проблемы, связанные с функционированием и состоянием социальных групп и структур. Так, за кажущейся очевидностью (эмпирически фиксируемой журналистами и аналитиками) существования федеральных и региональных элит скрывается неочевидность социальной определенности этих элит. В данном случае имеются в виду не только внешне наблюдаемые признаки данных социальных групп, но и внутренние механизмы их встроенности в социальные отношения, устойчивость их деятельности, легитимность их существования и функционирования, их самовоспроизводство. Иными словами, встает вопрос, насколько российские властные элиты институционализировались. Последнее предполагает не только определенность общего институционального порядка, но и внеинституциональные условия его существования.

Прежде всего необходимо определить базовые понятия. Под институтом в статье понимается «типизация опривыченных действий». ¹ Поскольку типичные действия персонифицированы и актуализированы в ролях, ² то можно представить институт как совокупность ролей, которые играют конкретными людьми. Именно в этом смысле возможно определение института как «совокупности индивидов, действующих в соответствии с общими [для них] правилами для достижения коллективных целей. <...> Эта совокупность индивидов, взаимодействующих в соответствии с правилами, реагирует на информацию извне и приходит к коллективному ответу (даже если коллективный ответ является просто суммой индивидуальных действий, как это в действительности происходит на рынке, на выборах, при поименном голосовании в парламентах)». ³ Основная функция института – интегрировать и стабилизировать коллективную деятельность. Соответственно, институционализация заключается в закреплении действий, превращение их в типичные и привычные. Поэтому рутинность и воспроизводство во времени (то есть определенная историчность) выступают важным индикатором завершенности институционализации. Возможны варианты институционализации, при которых институтами или институциями становятся требования и практики агентов, при этом первоначальная их деятельность сходит на нет. Она «превращается» в новые институты. Наиболее яркий пример – общественные движения. ⁴

Под элитой в данной работе понимается не социальный слой, а функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять в современном обществе и его подсистемах интегративные и стабилизирующие функции и, в связи с этим, имеющих возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов. По сути, эта группа ответственна за поддержание базовых для данного общества институциональных порядков. Другими словами, она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) в обществе функции. В институциональной перспективе, таким образом, она может быть рассмотрена как специфический институт.

Институционализация элиты возможна при действии по крайней мере трех факторов: культурного, структурного и институционального.

Культура является необходимым элементом институционализации ввиду ее интерпретационной функции. Любой институт может существовать как интегрирующая и стабилизирующая деятельность, подкрепляющая соответствующие требования, артикулированные в формальных и неформальных нормах, лишь создавая «соответствующую завесу легитимаций, простирающую над ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций».⁵ Понятно, что легитимность института необходима не только для «объектов» интеграции,⁶ но не в меньшей степени для ее субъектов.

Структурный контекст институционализации властных групп определяет возможности элиты обеспечивать себе легитимацию, социальную поддержку и социальную базу своего воспроизводства.

Борьба за ресурсы выступает как необходимый элемент процесса институционализации. В виду ограниченности ресурсов необходимы специальные действия, ведущие, с одной стороны, к изоляции основной массы населения от доступа к ресурсам, с другой, – к приватизации этих ресурсов. Возникающее социальное расслоение на основе разницы в доступе к ресурсам создает необходимые демаркации. Для возникающей элиты необходимо создать социальные группы поддержки. В данном случае – слой богатых граждан (ибо о среднем классе говорить, по крайней мере, преждевременно).

С вышесказанным связана проблема представительства. Насколько политико-административная элита представительна, настолько она и будет успешна в своем становлении и функционировании. Дж.Сартори различает три вида представительства: юридическое, социологическое и политическое.⁷ Первый предполагает деятельность кого-либо в чьих-то интересах по контракту или мандату. Второй вид связан с приписыванием представительства в виду принадлежности индивидов к той или иной социальной группе (на-

циональной, профессиональной, половой, возрастной, религиозной и т.п.). Третий, могущий включать предыдущие, связан, прежде всего, с ответственностью за охрану и реализацию определенных интересов социальных групп. Институционализация (конституирование) представительства интересов социальных групп связана с устойчивым, регулярным отстаиванием, продвижением определенных интересов. Без конституирования себя как представителя господствующего класса (страты) властная группа не может институционализироваться⁸ (внутренняя легитимация). Одновременно она должна презентировать себя как выразителя всеобщего (всенародного) интереса (внешняя легитимация).

Институциональный фактор связан с общим институциональным дизайном и возникновением структуры институциональных возможностей для появления и закрепления новых институтов. Здесь, конечно, кардинальное значение имеет положение и состояние государства как самого мощного института. И ослабление государства в этом смысле чрезвычайно важно.

Институционализация новых властных групп возможна только как приватизация ими государства. Это становится достижимым при слабом государстве. Но одновременно с открытием возможности *для себя*, группы, стремящиеся конституировать себя как доминирующие в обществе, объективно способствуют *другим группам* или войти в легальную власть (контр-элиты, протестные движения), или легализовать свою власть (как происходит с криминальными или полукриминальными сообществами). Отсюда частично и возникает проблема криминализированности гражданского общества.

Важным аспектом проблемы является социальное доверие, связанное со взаимной предсказуемостью сторон взаимодействия.⁹ С точки зрения функционирования всего общества, доверие снижает общую социетальную неопределенность, стабилизирует основные подсистемы и институты. Собственно говоря, институты и могут существовать при определенном «пороговом» уровне неопределенности, с которого начинается определенность.¹⁰ Невозможность официальных структур, действующих легальным образом (в правовом поле), устойчиво, предсказуемо стабилизировать отношения между основными субъектами социального взаимодействия и авторитетно распределять основные общественные ресурсы в публичном пространстве, влечет за собой неофициальную, нелегальную, «теневую» приватизацию функций этих структур.¹¹ Для становящихся элитных групп в условиях общего социального кризиса и сильной конфликтности властных групп «старого общества»,¹² это выступает известной платой за возможность институционализироваться. Безвластие (частичное или временное) – цена власти. Возникающий параллелизм власти ведет к конвергенции официальных и «теневых» властных структур и групп. Следствием данного процесса является одновремен-

ное сосуществование официальных и неофициальных норм. Причем, последние могут играть решающую роль в регулировании взаимоотношений между социальными агентами. Такое положение часть исследователей характеризует как правовой нигилизм. С точки зрения мотивационной структуры индивидов и состояния массового сознания это, безусловно, так. Рассмотренная же под углом зрения социального функционирования, данная проблема может определяться как ситуативная, структурная и институциональная неопределенность.¹³ Для становящейся элиты возникает непростая дилемма: как элита она должна создавать и поддерживать определенность, как *становящаяся* элита, она заинтересована в максимальной неопределенности.

Сам процесс институционализации обладает определенным качеством – индивидуальные стратегии и устремления потенциальных участников нового института, как будет показано в дальнейшем, совпадают с групповыми стратегиями.

Можно сформулировать некие общие минимальные критерии завершившейся институционализации элит. Прежде всего, это – устойчивость во власти и возможность эффективно ее использовать (выполнять интегративные функции, распределять ресурсы и т.п.). Немаловажным является воспроизводство себя как властной группы. С этим связано наличие своего, характерного для данной группы бассейна рекрутирования и создание кадрового резерва в административных структурах, наличие собственной социальной базы.

**Двойная
институцио-
нализация
(1990–1991)**

Начальная стадия изменения властных структур и смена доминирующих региональных групп совпадает с первыми демократическими выборами в ленинградский городской Совет в 1990 году.

В конце 80-х гг. в Ленинграде возникло несколько протестных движений, выступающих за смену политического режима. Наиболее мощным из них был Ленинградский народный фронт. Постепенная радикализация требований демократических движений, поддержка их значительной частью горожан, привела к острой конфронтации их с партийными (КПСС) структурами, скоординированному и консолидированному выступлению на выборах и завоеванию 66% мест в городском представительном органе власти.¹⁴ Большая часть лидеров движения вошла во властный институт. И поскольку часть требований демократического движения можно было выполнять, используя официальные структуры в рамках конвенциональной политической активности, или, говоря словами Клауса Оффе, используя «институциональный способ нормальной политики»,¹⁵ само оно в значительной степени потеряло смысл своего автономного, противостоящего власти существования.

Но вместе с тем, далеко не все рядовые члены организаций ощутили завершенность борьбы за власть и демократию. Институциона-

лизация протестного движения породила парадокс. Оппозиционеры стали участниками институционализированной политики, но оппозиционные организации такими участниками не стали. Кроме того, организации были кадрово истощены – наиболее активные и квалифицированные «бойцы» ушли во власть. И это была не «командировка», а именно уход и навсегда. И между ними и оставшимися возникла определенная дистанция. Различие социальных позиций и ролей изменило тип и стиль взаимоотношений между рядовыми участниками и лидерами организаций. Насколько эта ситуация обычна показывает наблюдение польских исследователей: «Во время фазы институционализации формальное частичное совпадение нового политического руководства и широких социальных слоев начинает терять свой поддерживающий характер по мере того, как становится ясным существенное различие между новым руководством и различными социальными группами».¹⁶

Собственно говоря, именно здесь возникает переход от институционализации движения к институционализации новой властной группы. Появляющаяся демаркация – начало новой социально-групповой самоидентификации. Одновременно делегитимация старой власти (как необходимая стадия и институционализации протестных движений, и прихода новых групп к власти) сменяется легитимацией уже «своей» власти.

Благодаря отсутствию разделения властей, захват городского Совета позволил лидерам общественных движений достаточно быстро установить легитимный контроль над исполнительной властью. Но это же явилось и основанием ряда конфликтов, которые стали возникать внутри обновленного Ленсовета. Во главе Ленгорисполкома стал известный в городе народный депутат СССР А.А.Щелканов. А.А.Собчак, избранный председателем горсовета, постоянно стремился вторгнуться в сферу компетенции председателя исполкома. Совету приходилось выступать арбитром в этих спорах. 15 октября 1990 г. 2-я сессия приняла «Положение о взаимодействии органов Ленсовета и разграничении их компетенции». В этом Положении определялись полномочия сессии Ленсовета, Президиума, Председателя и Исполкома. В дальнейшем подобные конфликты компетенции воспроизводились, но уже между ветвями городской власти. Длительность функционального с виду конфликта, окрашенного личностными характеристиками участников, затушевывала, как представляется, внутренний смысл противостояния.

Приведем простую логическую схему: делегитимация властных групп и структур прежнего режима; легитимация оппозиции и протестного движения; мобилизация его и населения; институционализация протестного движения и институционализация новой власти, тем не менее, не совсем точно отражает то, что происходило в Ленинграде. Первоначально все выглядело именно так. Но примерно через год ситуация несколько изменилась.

Институционализация через частичную рецессию (1991–1993)

Второй этап становления петербургских властных элит достаточно противоречив. Вместе с тем, кажущаяся непоследовательность персон, находящихся у власти, определена именно последовательностью институционального развития. Создание новых политических институций (в данном случае – мэрии) и отход от советского монизма власти не мог вести к мгновенному изменению самих действующих лиц. Кроме того, сама власть (позиция и возможности) предполагала определенные характеристики ее обладателей.

Выборы мэра Санкт-Петербурга в июне 1993 г. и институционализация мэрии внешне интерпретировались, прежде всего, как отход от прежней системы власти и демократизация системы городского управления. Формально власть институционально «разделялась». Но разделялись также и властные группы. Деятельность исполнительной власти в условиях постоянного контроля достаточно радикального и введливового городского Совета лишалась необходимой автономии и маневра. Прежде всего, такая автономия была нужна для создания преемственности в функционировании городской администрации, а также для наведения мостов с группами, формально отстраненными от власти, но сохраняющими влияние на городские дела. Последнее связано со сложившимися межличностными отношениями, сетями взаимодействия, служащими основой долговременного социального доверия, необходимого для эффективной деятельности. Институты «создаются мобилизацией ресурсов посредством социальных сетей». ¹⁷ Кроме того, немаловажным представляется и информационный ресурс «старой гвардии». ¹⁸ Таким образом, институционализация исполнительной власти напрямую была связана с институционализацией властных групп.

Одновременно необходимо было сохранить и связь с демократическим движением, основной частью горожан, для которых демократические ценности сохраняли свою актуальность. Такая опора на достаточно разнородные социальные силы была связана, с одной стороны, с двойной легитимностью элиты (см. выше), с другой стороны, с одновременным решением задач самосохранения и реализации заявленных реформ. В результате сохранялась риторика демократического движения, и происходило включение бывших членов номенклатуры в структуру исполнительной власти (персональная реноменклатуризация). ¹⁹ Собственно говоря, происходила конвергенция номенклатуры и новой исполнительной власти. Процесс был в значительной степени стихийным, в том смысле, что никакого «заговора» не было.

«Становящаяся» новая элита для собственного успешного становления остро нуждалась в контроле над материальными, финансовыми и прочими ресурсами. Кроме обеспечения собственно властных структур и персон, в них входящих, ресурсы были необходимы для обеспечения структурных реформ. Поскольку в условиях институциональной и ситуативной неопределенности, а также из-за действий различных политических сил и социальных агентов, имеющих разнона-

правленные интересы и устремления, обеспечить эффективный доступ к ресурсам было невозможно, то нужно было создать систему монопольного контроля над ними. Естественно, между разными фракциями протозелитных групп разгорелась борьба.

Важное место в контроле над административными и материальными ресурсами внутри города занял вопрос о районных властных структурах. Сохранившиеся районные Советы со значительной ролью депутатского корпуса, контролировавшего исполнительную власть, расходование бюджета, а также распоряжавшегося объектами коммунальной собственности,²⁰ могли быть существенным препятствием для планов монополизации власти. При подготовке пакета документов по структуре органов власти в Ленинграде А.А.Собчак (тогда еще председатель Ленсовета) «продавил» свой, а не согласованный ранее с городским Советом вариант постановления Президиума Верховного Совета.²¹ Ленсовет попытался оказать сопротивление, обратившись в Президиум Верховного Совета,²² но безуспешно.²³ В соответствии с новым законом, мэру было предоставлено право назначать и освобождать от должности глав районных администраций – правопреемников исполнительно-распорядительных органов соответствующих Советов. Таким образом, районная исполнительная власть потеряла свою автономию от городской администрации. Относительное вертикальное разделение властей, которое существовало еще при коммунистической монопольной власти, будучи формальным, но которое потенциально могло стать основой местного самоуправления, исчезло.

В данном случае проблема была не только в борьбе за ресурсы и авторитарных наклонностях А.А.Собчака. Монополизация власти явилась следствием не столько привычки монопольно управлять,²⁴ сколько необходимостью институционализации элиты. Она монопольно должна структурировать социальное и политическое пространство «под себя». Другой стороной этого процесса было первоначальное накопление капитала. А здесь без неконтролируемого доступа к ресурсам обойтись весьма затруднительно.

Получив контроль над районными администрациями, А.А.Собчак переназначил 11 из 20 председателей райисполкомов, четыре новых назначенца уже работали на административных должностях в районах. Один человек до назначения работал первым секретарем райкома КПСС, трое были депутатами райсоветов и один выдвиженец – из городских депутатов. Как видно, административное назначение в основном совпадало с административной же выслугой. Началось выстраивание бюрократической вертикали.

Значение этих действий в контексте процесса институционализации новой элиты достаточно велико. Происходило восстановление на другой основе монополии власти. Одновременно властные группы, связанные с администрацией, получали свой, слабо контролируемый

населением и его представителями ресурсный источник. Но отделялась не только конкурентная группа в борьбе за власть, происходило дистанцирование нарождающейся элиты от масс. Собственно говоря, без такого противопоставления состояться элита и не может.

Конфликты по поводу приватизации – яркий пример борьбы за ресурсы и социальное реструктурирование. Они начались уже осенью 1991 г. Для исполнительной власти и властных групп, ее контролирующих, важно было создать собственную ресурсную (включая социальную) базу. Руководящие органы представительной и исполнительной власти социально различались, что было вполне естественным – за первой было все городское население, их делегировавшее, за второй был бюрократический (номенклатурный) слой. Это объяснимо не только функциональным разделением властей, но и разным бассейном рекрутирования.

В качестве иллюстрации данного тезиса можно сравнить исходные социальные позиции членов Президиума Горсовета и Правительства города (для логики рассуждений конкретные имена не важны).

Таблица Социальные позиции членов Президиума Петросовета до избрания депутатами и членов Правительства Санкт-Петербурга до вхождения в него (на 1989 год)

<i>Президиум Петросовета 1991–1993 гг. (в соответствии с решением 9 сессии Ленгорсовета №9 от 26.06.1991)</i>	<i>Правительство Санкт-Петербурга (в соответствии с распоряжением мэра №241-р от 16.03.1994)</i>
Аспирант	Профессор
Старший научный сотрудник	Научный сотрудник
Доцент	Сотрудник КГБ
Заместитель начальника военного училища	Главный инженер ТПО жилищного хозяйства
Начальник группы конструкторского бюро	Второй секретарь райкома КПСС, председатель районного Совета народных депутатов
Инженер	Научный сотрудник
Доцент	Инструктор исполкома районного Совета народных депутатов
Электрик	Начальник следственной части ГУВД
Временно не работающий	Адвокат
Ассистент кафедры	Директор треста столовых
Начальник лаборатории производственного объединения	Заместитель начальника Главного управления Ленгорисполкома
Начальник цеха	Ректор института
Заведующий лабораторией научно-исследовательского института	

По некоторым показателям обе группы довольно схожи: все с высшим образованием, средний год рождения у депутатов 1947, у администраторов 1949. Но в Президиуме Ленсовета все, кроме одного человека, были бывшими участниками *протестного* движения. А в мэрии *никто*, включая А.А.Собчака, не был с ним связан. И это вполне естественно – если Ленсовет представлял собой институционализированное протестное движение, то мэрия – второй и третий эшелон номенклатуры.

Можно предположить, что происходила параллельная институционализация: контр-элиты и номенклатурного резерва. Поэтому между ними и велась *принципиальная* борьба.

Но это в самом общем виде. На индивидуальном уровне существовало большое разнообразие. Треть депутатов не участвовала в общественных движениях и даже не заявляла о своей связи с ними во время избирательной кампании. Часть избранников занимала высокие позиции в экономической сфере. У них с началом экономических реформ появилась возможность полностью или частично приватизировать подконтрольные им предприятия. На этой почве внутри горсовета также возникали конфликты. Один из примеров – комплекс защитных сооружений Санкт-Петербурга (Дамба). Малый Совет Петросовета создал специальную комиссию по комплексной проверке объединения «Ленгидроэнергоспецстроя», занимавшегося сооружением дамбы и возглавлявшегося депутатом Ю.К.Севернардом. Комиссия в частности выявила должностные злоупотребления и механизмы перевода государственных средств в личную собственность. Было учреждено несколько десятков предприятий различной формы собственности, которым передавались выгодные субподряды, предоставлялись дефицитные материалы, сдавалась техника и т.п. В отчете комиссии приводился пример с товариществом «Ренессанс», учрежденным объединением и директором которого был сын Ю.К.Севернарда.²⁵ Учредительный взнос составлял в ценах 1991 г. около полмиллиона рублей. Это предприятие, занимавшееся реставрацией мебели, получало от своего учредителя большие беспроцентные ссуды.²⁶

Этот пример показывает, что приватизация являлась общим для протоэлитных групп субинститутом институционализации и активно ими использовалась. Другим субинститутом подобного рода выступает коррупция. О ней, как способе быстрой ассимиляции новых групп в политическую систему писал Сэмюэл Хантингтон.²⁷ Коррупция в рассматриваемом контексте может быть охарактеризована в отличие от приватизации как индивидуально-кустарное накопление капитала. Коррупция и злоупотребление своим положением характерны были для всех властных групп и ветвей городской власти.²⁸

В условиях ослабления нормативного регулирования и общей институциональной неопределенности усилилось проникновение в экономику и политику криминальных структур. «С начала 1993 г.

бандитизм стал брать на себя функции регулирования рынка».²⁹ Косвенное влияние организованной преступности на процесс институционализации региональной элиты стал приобретать устойчивый и систематический характер.

Далеко не все лидеры протестного движения смогли вписаться во властные структуры. Постепенно к позициям, определяющим политику Ленсовета стали приходиться менее политизированные и в большей степени ориентированные на текущую рутинную деятельность депутаты. Институционализация контр-элиты не состоялась, каждый бывший участник протестного движения *индивидуально* вписывался в новый властный слой. Эта абсорбция протеста в значительной степени стабилизировала систему. Но она также и способствовала усилению действовавшего не только индивидуально, но и коллективно институционализировавшегося номенклатурного резерва, ориентированного в основном на бюрократические структуры. Поэтому и концентрация власти происходила по номенклатурному образцу.³⁰

По всей видимости, частичная рецессия является необходимым моментом в развитии новой власти и институционализации элиты. Л.Гордон и Э.Клопов указывают, что в эпоху всеобщих перемен приливно-отливный характер институционализации – общая закономерность.³¹

Относительно структурных факторов, влияющих на институционализацию элиты, важными представляются процессы, приводящие к изменению социальной структуры населения: резкое снижение общего уровня жизни населения и усиливающаяся имущественная дифференциация. Так, в 1992 г. рост цен в Санкт-Петербурге опережал увеличение денежных доходов горожан более чем в два раза. Покупательная способность доходов граждан составляла 49,1% от уровня 1991 г.³² Доля бедного населения в городе превысила 40%. При этом средние доходы этой категории составляли около трех четвертей от величины прожиточного уровня.³³ Увеличивается разрыв между богатыми и бедными: в 1993 г. среднедушевой доход 10% наиболее обеспеченных жителей города превышал доход 10% наименее обеспеченных в 7,5–12,5 раз.³⁴

Консолидация ресурсов (конец 1993–1996)

Становление петербургских элит с конца 1993 года в значительной степени связано с общероссийским контекстом и теми институциональными возможностями, которые давались нормативными актами, изданными в процессе государственного переворота сентября-октября 1993 г. Для политической и административной элит факторы, определяющие их развитие, несколько различались по содержанию и направленности.

Борьба двух ветвей городской власти (и двух фракций возникающей региональной элиты) завершилась роспуском горсовета по Указу Президента РФ «О реформе органов государственной власти города Санкт-Петербурга» №2252 от 21 декабря 1993 г. Его проект

передал Б.Н.Ельцину А.А.Собчак. Горсовет обратился в Верховный и Конституционный суд,³⁵ но все это уже не имело значения. Специальный Указ потребовался в связи с тем, что горсовет выполнил все предыдущие требования Президента и продолжал действовать. Более того, неоднократные предложения А.А.Собчака о самороспуске отвергались, а решение мэра о роспуске малого Совета были расценены им как антиконституционные. Петросовет и его депутаты готовы были и дальше действовать в политическом пространстве Санкт-Петербурга.

Помимо разгрома организационной структуры оппонентов создавались фильтры, не допускающие проникновение политически и социально чуждых элементов в институции победителей. Так, 21 декабря на встрече с представителями районных администраций А.А.Собчак заявил: «Ни один из депутатов городского Совета не должен быть принят на работу в администрацию города без согласования со мной. Тот районный руководитель, кто делает это, будет мною лично наказан».³⁶

За два с половиной месяца до описанных ранее событий Указом Президента РФ от 9.10.1993 г. были прекращены полномочия районных Советов, и полномочия местного самоуправления были переданы главам администраций районов. Таким образом, монополизация и концентрация городских ресурсов продолжилась. Логическим завершением данного процесса явилась реорганизация административного устройства Санкт-Петербурга в 1994 г. Распоряжением мэра было образовано 20 административно-территориальных единиц – районов, которые были лишены своей представительной власти. Местное самоуправление организовывалось на микрорайонном уровне. Было создано 111 муниципальных образований.³⁷ Произошло распыление местной власти и лишение ее ресурсной базы.³⁸

13 января 1994 г. председатель юридического комитета мэрии заявил: «С прекращением деятельности городского Совета появилась уникальная возможность обеспечить нормальную работу мэрии даже при новом Городском собрании».³⁹ Так появился режим, который можно было бы назвать региональным «просвещенным авторитаризмом», в основе которого лежала частичная институциональная реноменклатуризация. Он выступал механизмом первого этапа закрепления новых властных групп у власти и новых формальных властных институтов.

Но власть, естественно, монополизировалась не ради самой власти. Городской Совет отменил около 160 распоряжений мэра Санкт-Петербурга. В основном эти акты касались имущественных вопросов и строительства.⁴⁰ И, конечно, административная элита была заинтересована в пересмотре как правил, так и практики распоряжения ресурсами, проведения приватизации.

В условиях создавшейся конституционной и правовой неопределенности ноября-декабря 1993 г. мэр Санкт-Петербурга издал се-

рию распоряжений, лишающих горсовет всех полномочий по распоряжению собственностью. Были отменены разработанные за время существования Совета и малого Совета нормативные акты о порядке предоставления в аренду нежилого фонда, земельных участков, проведения инвестиционных торгов, распоряжения объектами государственной собственности в городе. Депутаты были лишены права принимать решения о продаже имущества города и городских контрактов на инвестиционных торгах, горсовет был лишен возможности выступать их продавцом. Фонд имущества Санкт-Петербурга распоряжением мэра был переведен в административное подчинение Комитету по управлению городским имуществом, были произведены кадровые перестановки в руководстве Фонда.

Таким образом, представительная власть Санкт-Петербурга лишилась возможности контролировать процесс приватизации. Отмененные нормативные акты не всегда вовремя заменялись новыми, что создавало правовой вакуум и, как следствие – возможность произвольных и бесконтрольных действий. Следует учитывать, что эти мероприятия были осуществлены накануне послеваучерного – денежного – этапа приватизации. Неопределенное положение Фонда имущества на этом этапе привело к существенным проблемам в проведении денежной приватизации в Санкт-Петербурге.

Помимо персонального обогащения, латентной функцией процесса приватизации было создание социального слоя, ориентированного на новые властные группы и новые институты. Проблема политического представительства нарождающейся административной элиты, таким образом, решалась.

Устранив конкурента, бюрократический сегмент городских властных групп смог максимально воспользоваться ситуацией для наращивания своих ресурсов, а также попытаться консолидировать региональные группы доминирования.⁴¹

Политическая составляющая властной элиты Санкт-Петербурга развивалась не столь гладко. Институционализация городской представительной власти в этот период была естественно дискретной. Только к концу 1994 г. был сформировано Городское собрание, которое тут же переименовало себя в Законодательное. Оставаясь относительно автономной властной структурой и выступая конкурентом администрации, Законодательное Собрание уже не шло на открытую конфронтацию. Взаимоотношение между административной и политической фракциями элит *принципиально* нормализовалось. Следует согласиться с В.Я.Гельманом, что петербургская региональная элита в это время переходит к системе неявных внутриэлитных пактов.⁴² Задачи такого рода взаимоотношений уже были (как это не парадоксально) в самом конце наиболее конфликтного периода сосуществования исполнительной и законодательной властей – на исходе 1993 г.⁴³

Причиной перехода к состоянию согласия региональных⁴⁴ элит, помимо возможного рационально-прагматического выбора, явилось,

как представляется, изменение социального состава представительного органа власти. Так, из 50 депутатов семь являлись членами малого Совета распущенного Петросовета, еще шесть человек были его членами, трое – депутатами иных Советов. В легислатуру прошло тринадцать человек, работавших на административных должностях в различных структурах, девять депутатов являлись бизнесменами и двое – хозяйственными руководителями. Как видно, представительная власть, изменившись институционально, на персональном уровне сохранилась не полностью. В отличие от прошлых лет значительная доля новых депутатов оказалась социально близкой членам «бюрократического сообщества». В этом отношении предпосылки к олигархическому сговору как форме консолидации властных групп были налицо.

Обратной стороной процесса монополизации и консолидации власти является ее ослабление. Борьба за институционализацию и контроль за ресурсами, повышение институциональной неопределенности (и как следствие переходности, и как следствие политики создания максимальных институциональных возможностей) приводит к вторжению в публичную сферу «теневых» акторов и деятельности, а также их частичная институционализация.

Андрей Константинов считает 1995 г. «рубежным» для петербургского преступного мира – годом «великой легализации». ⁴⁵ Впервые, в это время происходит масштабная конверсия преступного капитала в экономический и финансовый. Крупные преступные «авторитеты» становятся легальными предпринимателями. Этот процесс начался еще в начале 1990-х, но масштабность приобрел к середине десятилетия. Так, например, Константин Яковлев (известный как Костя Могила) в 1995 году учреждает свои первые коммерческие предприятия. ⁴⁶ Позже он становится крупным бизнесменом и одним из влиятельнейших людей города (президент Фонда развития телевидения, Международной ассоциации по борьбе с наркобизнесом, председатель попечительского совета общественной организации Духовная академия и т.п.).

Второй важный аспект легализации связан с внедрением преступных групп в политическую сферу. Наиболее показательным здесь являются выборы в Государственную Думу в 1995 г. Сразу три человека, связанных с криминальными структурами города, стали парламентариями. Все – по списку ЛДПР. Это М.И.Глущенко, известный в уголовной среде по кличке Хохол, ⁴⁷ М.Л.Монастырский и В.А.Шевченко.

Одновременно в 1995 г. в Санкт-Петербурге на рынок охранных услуг активно стали внедряться структуры бывших и действующих сотрудников силовых ведомств. Они стали заметно теснить традиционные криминальные «крыши». ⁴⁸ С одной стороны, это свидетельствовало о продолжении и расширении приватизации функций государства. С другой, этот процесс открывал возможности для конвер-

генции разнородных групп, стремящихся институционализироваться как властные.

Для населения Санкт-Петербурга этот период не был особенно благоприятным. Социетальная трансформация, изменение общественных структур и становление новых институтов требовали платы, и платила основная часть горожан. Быстро шло экономическое расслоение, что явилось важным фактором структурной составляющей институционализации элит. В 1994 г. соотношение доходов 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных составило 16,2 раза (максимальная величина в трансформационный период).⁴⁹ В 1995 г. было зарегистрировано наибольшее количество безработных в городе.⁵⁰ Весьма показательно, что и пик самоубийств в Санкт-Петербурге приходится именно на 1993-1995 гг.,⁵¹ в эти же годы коэффициент насилия, фиксирующий превышение числа убийств над самоубийствами также достигает своих максимальных значений (1,16; 1,25; 1,14 – соответственно по годам) и значительно превосходит общероссийские показатели.⁵² В этот же период фиксируется и наивысшая точка уровня тяжких насильственных преступлений.⁵³

Стабилизация (1996–2002)

Поражение А.А.Собчака на выборах губернатора Санкт-Петербурга и занятие этого поста В.А.Яковлевым принципиальных изменений не принесли. Что касается персонального состава, то через год после выборов – в 1997 г. – в городском правительстве оставалось 5 членов правительства 1995 года (при общей численности 14 человек), включая таких лиц как М.В.Маневич, Д.Н.Козак. Возвратились в администрацию Петербурга бывший в 1992–1993 гг. первым заместителем А.А.Собчака Д.В.Сергеев, вице-губернатор В.Н.Щербаков. Вошли в правительство Г.О.Греф и И.И.Клебанов. Наибольшие изменения коснулись председателей комитетов правительства. Сохранили свои позиции 6 человек. Но из 22 новых руководителей 9 «выросли» из тех же административных структур. Наибольшая преемственность была на районном уровне. Из четырех выбывших глав администраций районов один стал членом правительства Санкт-Петербурга, а один эмигрировал после ряда финансовых и коррупционных скандалов.

С точки зрения включенности в партийные (КПСС) структуры советского периода, городская администрация при В.А.Яковлеве существенно отличалась от своей предшественницы. Если в 1995 г. 16% городских руководителей (членов правительства, глав районных администраций и председателей комитетов) имели номенклатурно-партийный опыт, то в 1996 г. таких лиц было 17,5%.⁵⁴ Среди региональной экономической элиты доля номенклатуры была значительно выше – 46%. Если же присовокупить к бывшим партийным функционерам советских и комсомольских работников, то доля активистов прежнего режима значительно увеличится.

Можно утверждать, что с этого времени начинается постепенная стабилизация городских властных групп и рутинизация их прак-

тик. Небольшая вспышка насилия в августе 1997 г. (убийство вице-губернатора Санкт-Петербурга М.В.Маневича и убийство вице-президента «Несте – Санкт-Петербург»⁵⁵ В.Мандрыкина) принципиально ситуацию не изменили.

Происходит укрепление и закрепление региональных групп доминирования у власти. Одновременно идет институционализация клиентел. Протоэлитные группы становятся элитами. В этот период усиливается автономия региональной власти от федерального центра.

Весьма показательным является положение и возможности полномочных представителей президента России. Первое полпредство во главе с полномочным представителем президента РФ в Санкт-Петербурге С.А.Цыпляевым просто маргинализировалось. От этой структуры мало что зависело, и С.А.Цыпляев не играл сколько-нибудь значимой роли в политической и экономической жизни города. Соответственно институциональное или иное влияние на процесс становления региональных властных групп эта институция не оказывала.

Ситуация несколько изменилась после начала реформ В.В.Путина. В соответствии с Указом Президента №849 от 13 мая 2000 г. прежний институт полпреда преобразовывался.⁵⁶ Полномочный представитель президента в федеральном округе наделялся достаточно большими полномочиями, но, в основном, «спящими». Кроме того, новые федеральные структуры не получали под эти полномочия реальных ресурсов.

Опрос экспертов о степени влияния различных персон в Санкт-Петербурге показал, что полпред В.В.Черкесов занимал второе место после губернатора Санкт-Петербурга В.А.Яковлева по влиянию в политической сфере и по общему рейтингу влияния, но лишь девятое место по влиянию на региональную экономику. Здесь впереди оказались В.А.Яковлев, Т.К.Боллоев (ген. директор пивоваренной компании «Балтика»), В.И.Коган (председатель наблюдательного совета ОАО «Промстройбанк»), А.Н.Лихачев (ген. директор «Ленэнерго»), В.А.Зубков (зам. министра РФ по налогам и сборам), И.И.Яковлева (жена губернатора В.А. Яковлева и председатель Фонда защиты материнства и детства и Фонда «Зоосад»), Ю.В.Антонов (вице-губернатор, зав. канцелярией губернатора Петербурга), Ю.Е.Рыдник (президент Балтонэксимбанка), В.А.Шамахов (начальник Северо-западного таможенного управления РФ).⁵⁷ В схожем исследовании конца 2001 г. В.В.Черкесов в общем списке элиты Санкт-Петербурга оказался на шестом месте, по общей оценке степени влияния на развитие С.-Петербурга он оказался на девятом месте. По влиянию на политическую ситуацию в городе эксперты поместили его на второе место, а по влиянию на социально-экономическую ситуацию он занял лишь пятнадцатое место.⁵⁸

Интересно также посмотреть на рейтинг, составленный на основе опроса экспертов журналом «Профиль».⁵⁹ В номинации «Полити-

ческий профиль '2000» из политиков Северо-Запада попали только двое – В.А.Яковлев (20-е место) и М.М.Прусак (26-е). В номинации «Региональный профиль '2000» опять те же лица – пятое место у М.Прусака и седьмое у В.А.Яковлева. В «Профиле руководителя '2000» уже один В.А.Яковлев – 36-е место. В.В.Черкесов появляется лишь в «Профиле чиновника '2000» и всего на 35-й позиции.

Показательны в этом отношении и результаты всероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в начале 2001 г. Только две трети (64%) опрошенных знают о существовании полномочных представителей. В среднем лишь 24% смогли вспомнить полпреда своего округа. Самый известный – Константин Пуликовский (Южный округ), Виктора Черкесова знает 20%. Из тех, кто ответил, что знает о работе полпредов, 22% полагают, что они обладают реальной властью в своих округах. Противоположной позиции придерживается 24%. О положительном влиянии представителей президента на развитие регионов высказалось 17%. А 19% считают, что они никак не влияют. Около четверти (24%) затруднились с ответом на этот вопрос.⁶⁰

Достаточно красноречивы результаты опроса слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Северо-Западной академии государственной службы. Среди респондентов были представители разных регионов Северо-Запада, чиновники государственного и муниципального уровня, а также руководители коммерческих и некоммерческих организаций. 27% опрошенных затруднились дать оценку роли полпреда в координации деятельности органов власти в регионе, а 23% вопрос анкеты при ответе пропустили.⁶¹

Все более поздние социологические и политологические измерения влияния на региональную или городскую (С.-Петербурга) жизнь принципиально повторяли приведенные результаты.⁶²

Один из региональных политических оппонентов Полномочного представителя на Северо-Западе, председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга (на момент интервью) С.Б.Тарасов, говоря о структурах полпредства, заявил: «Мне кажется, что никакого влияния у них нет. Может быть, в других регионах иная ситуация, но у нас полпредству, в принципе, и заниматься нечем».⁶³

Косвенно эти данные могут говорить о неполной институционализации полпредства. Непрописанность в Конституции РФ данного института и, тем самым, не до конца проясненная правовая определенность, неясность разделения полномочий, конкуренция с другими институтами и структурами власти – все это затрудняет полномочным представителям нахождение своей ниши. И, как следствие, можно сделать вывод о фактической невключенности полномочного представителя в региональную элиту. Фактически петербургская элита оставалась в значительной мере автономной от Кремля. Основным препятствием была группа, связанная с губернатором города. Но это не исключало возможности изменения ситуации в будущем.

Конфликты между исполнительной и законодательной властями стали носить, скорее, функциональный, чем политический или мировоззренческий характер. Данные нашего исследования, проведенного в 1998 г.⁶⁴ показывают, что внутренние различия для членов властных групп оказались более существенными, чем их принадлежность к разным ветвям власти. Основными дифференцирующими признаками явились условия социализации – первичной и рабочей, оказывающие фундаментальное воздействие на политические и экономические установки представителей региональной элиты. Естественно, принадлежность к политическим объединениям, кланам также создавало различия в политической активности. В целом, вместе с обособлением властных групп от населения и их стабилизацией можно говорить об относительном политическом плюрализме городских элит.

Возможность стабилизации появилась, в том числе, и в виде социального сближения депутатского корпуса и администрации. Выборы в 1998 г. в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга подтвердили тенденцию выборов 1994 г. – новички рекрутируются в значительной степени из бизнеса (восемь человек из двадцати трех), бюрократов (пять), столько же из медицины и высшей школы, трое работали на инженерных должностях и по одному из силовых структур и из местного самоуправления (но последний человек также принадлежит и к бизнес-кругам). С учетом депутатов, сохранивших свои мандаты, относительное большинство мест (пятнадцать) принадлежало лицам, пришедшим из бизнеса.

Начали складываться семейные властные кланы: Яковлевы, Семеноварды, Потехины, Понеделко и др. На персональном и семейном уровне происходит взаимопереплетение различных (в том числе экономических и политических) интересов и их реализация (и, соответственно, координация).

Стабилизация региональных властных групп и переход институционализации в завершающую фазу совпадает с концентрацией власти в экономике и политике и концентрации собственности в Санкт-Петербурге. Так, статистические данные свидетельствуют, что при росте промышленного производства и объемов строительства происходит серьезное уменьшение количества действующих организаций в промышленности и строительстве: с 17357 и 11438 (соответственно) в 2000 г. до 12756 и 5964 в 2001 г.⁶⁵ Уменьшается также и число малых предприятий – со 109165 до 78599.⁶⁶ Имущественная дифференциация населения не уменьшилась, а после 1998 г. значительно усилилась.⁶⁷ Приток иностранных инвестиций в Санкт-Петербург,⁶⁸ скорее всего также способствовал имущественной дифференциации горожан.⁶⁹

Перехват власти (2003–)

Конец 2002 года и начало 2003 принесли с собой существенные персональные изменения в городских властных структурах. В результате выборов в Законодательное Собрание города губернатор В.А.Яковлев утратил значительную часть влияния на представитель-

ный орган власти и, теснимый своими противниками (главный из которых – федеральный Центр), вынужден был подать в отставку. Это – внешняя канва. За ней скрывается реализация принципиально иного, чем был, институционального дизайна. Он связан с попытками федеральных элит подчинить политический процесс в Санкт-Петербурге и под своим контролем монополизировать городскую власть. В этом ключе выдержаны действия по осуществлению контроля над городскими СМИ.⁷⁰ Отчетливо прослеживается новая инволюционная волна. Осуществляется реноменклатуризация в форме управляемой демократии.

В этом отношении очень символичным выглядит акция награждения Г.В.Романова, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС почетным знаком Общественного совета Санкт-Петербурга «Признательность Санкт-Петербурга» «за большие заслуги и в связи с 80-летием». И как было объявлено, несколько позже эту награду вручит губернатор города.⁷¹ Номенклатура более не стесняется своих корней.

* * *

Можно утверждать, что институционализация петербургской политико-административной элиты частично завершилась. Еще нет устойчивости власти (властные институты еще могут трансформироваться), нет устойчивого положения индивидов во власти. Однако возник свой бассейн рекрутирования региональной элиты, и он более-менее устойчив. Создан кадровый резерв административной элиты. Новые социальные группы, появившиеся в результате экономических реформ, выступают социальной базой новых властных групп. Но ни эти социальные слои, ни сами региональные элиты не обладают необходимой для доминирующих групп возможностью создавать институциональные рамки, определенные оптимальные для себя правила поведения социальных агентов, а также необходимые институты. В своем институциональном полагании они ограничены. Они не конструируют ожидаемые институты как свои стратегии.⁷² С одной стороны, их частично определяет уже пройденный путь развития, частично им определяют (из федерального Центра) как им надо развиваться. Вместе с тем, эволюция власти и элиты продолжается. Возникнув как отрицание прошлого режима, постсоветские элиты частично ориентируются на образцы именно прошлого.⁷³ И если данная Майклом Буравым характеристика состояния взаимоотношений государства и общества в постреформенной России как неофеодализм⁷⁴ кажется явным преувеличением, то вывод Грэма Гилла, что «политические элиты <...> остаются основным препятствием демократического развития России»⁷⁵ может быть вполне адекватным. Вместе с тем, существуют и определенные пределы инволюции, заданные уже прошедшими социально-экономическими изменениями.

Библиография

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в Санкт-Петербурге '95: Справочник. – СПб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1995.

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в Санкт-Петербурге '96: Справочник. – СПб.: Лениздат, 1996.

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в Санкт-Петербурге '97: Биографический справочник. – СПб.: Лениздат, 1997.

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып.4. – СПб.: Лениздат, 1999.

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып.5. – СПб.: Лениздат, 2000.

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып.6. – СПб.: Лениздат, 2001.

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б., Светов Ю.И. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып.7. – СПб.: Лениздат, 2002

Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б., Светов Ю.И. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып.8. – СПб.: ОАО «Издательский дом «С.-Петербургские ведомости», 2003.

Кто есть кто в деловом Петербурге: Биографический справочник. Вып.2. – СПб.: ЗАО «Бонниер Бизнес Пресс», 2001.

Северо-Запад-2002: Действующие лица / Рук. проекта Б.Петров, гл. ред. И.Золотарева; ИТАР-ТАСС. – СПб.: Издательство «МСТ», 2002.

Органы государственной власти и управления Санкт-Петербурга: Телефонный справочник / АО «Иакинф». – СПб.: Изд-во СПбУ-ЭФ, 1992.

Состав постоянных комиссий и комитетов горсовета / Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов 21 созыва. – СПб., 1993.

Список народных депутатов СССР двенадцатого созыва, народных депутатов РСФСР двенадцатого созыва, избранных по Ленинграду, депутатов Ленинградского городского Совета народных депутатов двадцать первого созыва. – Л., 1990.

Список телефонов исполкома Ленсовета / Ленинградский городской Совет народных депутатов. Исполнительный комитет. – Л., 1989.

Список телефонов Санкт-Петербургского городского Совета народных депутатов и мэрии Санкт-Петербурга / Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов 21 созыва. – СПб., 1992.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С.92.

² Там же. – С.124.

³ Jones B.D., Sulkin T., Larsen H.A. Policy Punctuations in American Political Institutions // *American Political Science Review*. 2003. – Vol.97, No.1 – P.153–154. См. также: *Institutions in American Society* / Ed. by John E. Jackson. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. – P.2.

⁴ О проблеме институционализации общественных движений см.: Albertoni F. *Movement and Institution*. N.Y.: – Columbia Univ. Press, 1984; Gamson W. *The Strategy of Social Protest*. – Homewood: Dorsey Press, 1975; Offe C. *Reflections on the Institutional Self-transformation of Movement Politics: A Tentative Stage Model* // *Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies* / Ed. by R.J.Dalton and M.Kuechler. – Cambridge: Polity Press, 1990; Roth R. *Demokratie von unten: Neue soziale Bewegungen auf dem Wege zur politischen Institution*. – Kln: Bund-Verlag, 1994. Кратко и резюмирующе о подходах в литературе: Цепилова О. В малом индустриальном городе в России // *Pro et Contra*. 2002. №1. – С.71; Seippel Ш. *From Mobilization to Institutionalization? The Case of Norwegian Environmentalism* // *Acta Sociologica*. 2001. – Vol.44, No.2. – P.124–127.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С.103–104.

⁶ В отношении элит это – «формула управления» Г.Моска.

⁷ Sartori G. *Representational Systems* // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / Ed. by D.L.Sills. – N.Y.: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. Также см.: Rao N. *Representation in Local Politics: A reconsideration and some new evidence* // *Political Studies*. 1998. – Vol.46, No.1.

⁸ В этом отношении заявление В.В.Путина, что передела собственности не будет, весьма показательно.

⁹ «Наличие доверия является существенным компонентом всех устойчивых общественных отношений» (Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С.7.)

¹⁰ О роли доверия в рыночных взаимодействиях и расчет его необходимого минимального уровня см., напр.: Олейник А.Н. Издержки и перспективы реформ в России (институциональный подход) // *Истоки*. Вып.3 / Гл. ред. Я.И.Кузьминов. 2-е изд. – М.: ГУ-ВШЭ, 2001. – С.128–129; Олейник И.Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С.100–102.

¹¹ Так, например, на суде известного криминального авторитета А.И.Мальшева и его подельников осенью 1995 г. прокурор заявил, что подсудимые брали на себя некоторые функции государства, к примеру, арбитража. (Константинов А. Бандитский Петербург: Документальный очерк. – СПб.: «Фолио-Пресс», 1997. – С.315.)

¹² В более общем плане, Дэвид Лэйн отмечал: «В отличие от переходов, базирующихся на переговорном процессе, крушение СССР было следствием фрагментированной и сильно разделенной политической элиты, с отсутствием [у нее] политической и моральной сплоченности». (Lane D. *The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Desintegration* // *Political Studies*. 1996. – Vol.44, No.1. – P.4.)

¹³ См., напр.: Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // *Полис*. 1993. №1; Bunce V. *Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Post-communist Experience* // *World Politics*. 2003. – Vol.55, No.2. – P.172–174, 179–183.

¹⁴ Подробно о протестной мобилизации и институционализации демократического движения в Ленинграде см.: Дука А.В. Трансформация местных элит: (институционализация общественных движений: от протеста к участию) // *Мир России*.

1995. – Т.4, №2; Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E. *Protest Cycle of Perestroika: (The Case of Leningrad)* // *International Sociology*. 1995. – Vol.40, No.1.

¹⁸ Offe C. *Reflections on the Institutional Self-transformation of Movement Politics: A Tentative Stage Model* // *Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies* /Ed. by R.J. Dalton and M. Kuechler. – Cambridge: Polity Press, 1990. – P.241.

¹⁶ Cirtautas A.M., Mokrzycki E. *The Articulation and Institutionalization of Democracy in Poland* // *Social Research*. 1993. – Vol.60, No.4. – P.796.

¹⁷ Swedenberg R. and Granovetter M. *Introduction* // *The Sociology of Economic Life* / Ed. by Granovetter, M. and Swedenberg, R. Boulder; San Francisco: Westview Press, 1992. – P.18.

¹⁸ По сути это то, что Мэри Роджерс предложила называть инфра-ресурсами власти. См.: Rogers M.F. *Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power* // *American Journal of Sociology*. 1974. – Vol.79, No.6. – P.1423–1428.

¹⁹ См., напр.: Вишневыский Б. *Похвальное слово закону* // *Вечерний Петербург*. 1991. 13 ноября. – С.2.

²⁰ См.: «О разграничении полномочий между Ленсоветом и районными Советами»: Решение президиума Ленинградского городского Совета народных депутатов от 4 января 1991 года №9 // *Вестник Ленсовета*. 1991. №1.

²¹ «О структуре и функциях органов представительной и исполнительной власти в Ленинграде»: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 июля 1991 года №1562-1 // *Вестник Ленсовета*. 1991. №1.

²² См.: «О проекте Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР»: Решение 9 сессии Ленинградского городского Совета народных депутатов 21 созыва от 27 января 1991 года №15 // *Вестник Ленсовета*. 1991. №1.

²³ Как реакция на действия А.А. Собчака появился призыв к горожанам фракции Ленсовета «На платформе ЛНФ» голосовать на выборах мэра 12 июня против кандидатуры Собчака. (ЛНФ против мэра // *Смена*. СПб., 1991. 11 июня. – С.2.)

²⁴ Естественное предположение в рамках психологического подхода или концепции зависимого пути (path-dependence).

²⁵ В 1998 г. К.Ю. Севенард стал депутатом Законодательного Собрания Петербурга, в марте 2000 г. избран депутатом Государственной Думы. А главный фигурант этого дела – Ю.К. Севенард – был депутатом Госдумы с 1995 по 1999 г., будучи заместителем председателя Комитета по промышленности, строительству, транспорту и энергетике.

²⁶ Заключение комиссии по технико-экономической проверке КЭС Санкт-Петербурга от наводнений. (Архив автора).

²⁷ Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. – New Haven and London: Yale Univ. Press, 1968. – P.61.

²⁸ Частично см. об этом: Дука А.В. *Трансформация местных элит: (институционализация общественных движений: от протеста к участию)* // *Мир России*. 1995. – Т.4, №2. – С.113–114.

²⁹ Константинов А. *Бандитский Петербург: Документальный очерк*. – СПб.: «Фоллио-Пресс», 1997. – С.207.

³⁰ Это было достаточно очевидно для наблюдателей и в то время. См., напр.: Румянцева В., Макаревич М. «Двадцать первый». – СПб.: АО ИПК «Дом коммерческих бумаг», 1994. – С.20–21.

³¹ Гордон Л., Клопов Э. *Социальный контекст процессов политической институционализации* // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. №2. – С.25.

- ³² Панова Л. Уровень жизни населения Петербурга // Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий... 2-е изд. – СПб.: Благотворительный фонд «Ночлежка», 1994. – С. 22.
- ³³ Десятилетие экономических реформ в Санкт-Петербурге / Под общ. ред. С. А. Васильева. – СПб.: ГП МЦСЭИ «Леопольдовский центр», 2001. – С. 121.
- ³⁴ Панова Л. Уровень жизни населения Петербурга. – С. 25.
- ³⁵ Об обращении в Верховный суд РФ и Конституционный суд РФ: Решение Санкт-Петербургского Совета народных депутатов от 22 декабря 1993 г. // Вечерний Петербург. 1993. 23 декабря. – С. 1; см. также: Иванова И. До свиданья, Совет, до свиданья... // Там же; Долгопятова Е. Дебаты в кинут часа «икс» // Санкт-Петербургские ведомости. 1993. 23 декабря. – С. 1–2; Работникова В. Последний день последнего Совета // Невское время. 1993. 23 декабря. – С. 1.
- ³⁶ Д. Г. Проверка на лояльность // Невское время. 1993. 22 декабря. – С. 1.
- ³⁷ Подробнее см.: Драбкина Т., Терехова В. Реформа местного самоуправления в Санкт-Петербурге // Реформа местного самоуправления в региональном измерении: По материалам из 21 региона Российской Федерации / Под ред. С. Рыженкова, Н. Винника. – М.: МОНФ; МИГПИ, 1999.
- ³⁸ Только через девять лет, когда значительная часть городской недвижимости уже будет передана в частные руки, вопрос о приведении в соответствие муниципального и районного деления Санкт-Петербурга будет поставлен в повестку дня городской политики. См.: О проведении опроса граждан об установлении и изменении границ муниципальных образований в Санкт-Петербурге: Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга // Санкт-Петербургские ведомости. 2003. 1 июля. – С. 4.
- ³⁹ Гаврилина С. Местная исполнительная власть считает, что нужно ковать железо, пока никто не мешает // Смена. СПб., 1994. 14 января. – С. 1.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Ачкасова В., Дука А. Региональная политическая власть: элитные конфликты и возможности соглашений // Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликта к поиску согласия / Под ред. Дж. Азраэля, Э. Паина, Н. Зубаревич. – М.: Комплекс-Прогресс, 1997. – С. 198.
- ⁴¹ Как отмечается в литературе, «консолидация элитных групп в регионах выражается в отсечении неудобных элементов, изменении внутренней структуры и иерархии, а также часто в некотором формальном пакте, закрепляющем существующие отношения и правила игры». (Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. – М.: ГУ–ВШЭ, 2002. – С. 334.) Последнее не получилось, но основные предпосылки были налицо.
- ⁴² Гельман В. Я. Консолидация региональной элиты и местная демократия в России. Санкт-Петербург в сравнительной перспективе // Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты: Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 25–26 июня 1997 г. / Под общ. ред. С. А. Кугеля. – СПб.: Изд. СПбГУЭФ, 1998. – С. 74–85.
- ⁴³ См.: Дука А., Чугунов А. Конституционный кризис и консолидация элиты Санкт-Петербурга // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: Материалы между. семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / Под ред. А. Мельвиля. – М.: Моск. обществ. научн. фонд, Изд. Центр научных и учебных программ, 1999. – С. 196.
- ⁴⁴ Я намеренно не использую утверждающуюся в отечественном обществоведении формулировку «сообщество элит» как эквивалент «elite settlement» Дж. Хигли, М. Бёртона и Р. Гантера. В развиваемой названными авторами концепции речь, скорее, идет о состоянии (перманентного) переговорного процесса, имеющего следствием изменение типа элит (или, в более ранних текстах – элитной структуры). В этом смысле они и утверждают, что «элитные соглашения результативны также как социальные революции». (Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes // Elites and Democratic Consolidation in Latin

America and Southern Europe /Ed. by J. Higley and R. Gunther. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P.14.) См. также: Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. 1987. – Vol.52, No.3.

⁴⁵ Константинов А. Бандитский Петербург... – С.216.

⁴⁶ Буренин М. Жизнь и смерть Кости Могилы // *Время & деньги. (Приложение к «Невскому времени») СПб., 2003. 10 июня. №21. – С.3.*

⁴⁷ Константинов А. Бандитский Петербург... – С.304–305, 323–325; Засорин О. «Тамбовец» из Государственной Думы // *Очерки криминального Петербурга. Вып. 2 / Автор проекта и сост. В.Бовыкин. СПб.: ИК «Комплект», 1998.*

⁴⁸ Константинов А. Бандитский Петербург... – С.339.

⁴⁹ Десятилетие экономических реформ в Санкт-Петербурге / Под общ. ред. С.А. Васильева. – СПб.: ГП МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2001. – С.119.

⁵⁰ Там же. С.89.

⁵¹ Гилинский Я.И. Петербургская девиантология и девиантность в Петербурге // *Санкт-Петербург в зеркале социологии / Под ред. В.В.Козловского. – СПб.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2003. – С.409.*

⁵² Там же.

⁵³ Гилинский Я.И. Указ. соч. – С.402.

⁵⁴ Быстрова А.С. Бывшие партийные функционеры среднего уровня в формирующейся административной и бизнес-элите Санкт-Петербурга // *Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты: Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 25–26 июня 1997 г. / Под общ. ред. С.А.Кугеля. – СПб.: Изд. СПбГУЭФ, 1998. – С.114.*

⁵⁵ Компания со 100% финским капиталом, ей принадлежала пятая часть рынка нефтепродуктов Северо-Запада России. Об этом деле см.: Бовыкин В. Петербург в прицеле киллера // *Очерки криминального Петербурга. Вып. 2 / Автор проекта и сост. В.Бовыкин. – СПб.: ИК «Комплект», 1998.*

⁵⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. №20. Ст.2112.

⁵⁷ Протасенко Т. Влиятельные люди Петербурга // *Петербургский Час ник. 2001. №26. 27 июня. – С.1. См. также: Драмарецкая О., Некрасов И. Великий и ужасный! / Коммерсантъ – Санкт-Петербург. 2001. №128. 23 июля. – С.14; Работниов В. «Гэллал» гонит волну // *Невское время. 2001. №176. 29 сентября. – С.2.**

⁵⁸ «Петербург: элитное измерение»: (Барометр мнений лидеров Петербурга). СПб.: АМК «МарКо», 2001. – С.46–52.

⁵⁹ Герои пятiletки // *Профиль. 2001. №6. 19 февраля. – С.18–33.*

⁶⁰ В тему // *Профиль. 2001. №6. 19 февраля. – С.2.*

⁶¹ Клюев А., Кашина М., Древаль И. Актуальные проблемы реформы государственной власти: оптимизация взаимодействия органов власти различных уровней // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. №2.

⁶² См., напр.: Гавра Д.П., Шмелева Е.В. Петербург: элитное измерение: Барометр мнений лидеров Петербурга. Февраль-Март 2002 года. – СПб.: ООО АМК «МарКо», 2002. – С.50–64; Гавра Д.П., Шмелева Е.В. Петербург: элитное измерение: Барометр мнений лидеров Петербурга. Июль-Сентябрь 2002 года. – СПб.: ООО АМК «МарКо», 2002. – С.35–36, 38–43; Питерский губернатор лидирует по влиянию на политическую ситуацию (14.02.2003) // <<http://rb.flb.ru/cgi-bin/iframe/flb?56768696>>.

- ⁶³ Архипов И. Никаких розовых очков [Интервью с С.Г.Тарасовым] // Эксперт. Северо-Запад. 2002. №5. 4 февраля. – С.26.
- ⁶⁴ Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации /Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001.
- ⁶⁵ Регионы России: Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2002: Стат. Сб. /Пред. ред. колл. В.И.Галицкий. – М.: Госкомстат России, 2002. – С.203.
- ⁶⁶ Там же. – С.202.
- ⁶⁷ Десятилетие экономических реформ в Санкт-Петербурге / Под общ. ред. С.А.Васильева. – СПб.: ГП МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2001. – С.121, 125.
- ⁶⁸ Динамику инвестиций см.: Инвестиции в России: Стат. сб. / Пред. ред. колл. М.Н.Сидоров. – М.: Госкомстат России, 2001. – С.84–95.
- ⁶⁹ О связи между прямыми иностранными инвестициями и усилением неравенства и политической нестабильности см.: Gissinger R., Gleditsch N.P. Globalization and Conflict: Welfare, Distribution, and Political Unrest // Journal of World-Systems Research. 1999. – Vol.5, No.2. <<http://csf.colorado.edu/jwsr>>
- ⁷⁰ См., напр.: Стрельникова В. Прорывая каналы // Новая газета в Петербурге. 2003. 23 июня. №44. – С.13; Михайлова М. «Новое утро» выгнали из эфира // Смена. СПб., 2003. 2 июля. – С.8; Заявление регионального отделения политической партии «Союз правых сил» в Санкт-Петербурге «О ситуации вокруг петербургских СМИ» // Там же; И это – все о ней: Открытое письмо представителей общественности Санкт-Петербурга // Новая газета в Петербурге. 2003. 7 июля. №48. – С.12; Гладышева Н. «Согласен на компромисс на моих условиях» [Интервью с И.Игнатьевым] / Дело. СПб., 2003. 14 июля. №26. – С.4; Травин Д. Колебаться ли вокруг «Петербургской линии»? // Там же.
- ⁷¹ Журавлев М. План на 20 лет – это нереально // Невское время. 2003. 26 апреля. – С.3.
- ⁷² Fedorowicz M. Anticipated Institutions: The Power of Path-finding Expectations // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe: Lessons for the Social Sciences / Ed. by Michal Dobry. – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 2000.
- ⁷³ Леонардо Морлино и Франко Маттеи назвали португальцев, испанцев и итальянцев, отрицающих авторитарное прошлое, но имеющих авторитарные установки, неоавторитаристами. (Montero J.R., Morlino L. Legitimacy and Democracy in Southern Europe // Reis. Revista Española de Investigaciones Sociológicas. English edition. – Madrid, 1996. – P.19.)
- ⁷⁴ Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics & Societies. 2001. – Vol.15, No.2. – P.273.
- ⁷⁵ Gill G. The Failure of Democracy in Russia // Perspectives on European Politics and Society. 2002. – Vol.3, No.2. – P.169.